

Johann Biedermann: *Grammatiktheorie und grammatische Deskription in Rußland in der 2. Hälfte des 18. und zu Anfang des 19. Jahrhunderts*, Frankfurt–Bern, Peter D. Lang, 1981 (Europäische Hochschulschriften, Reihe XVI, Bd. 17), 166 pp.

1. Названная работа ставит себе целью “внести вклад в развитие грамматической теории в России” (Предисловие), причем имеются в виду внутренняя история, т. е. разработка лингвистических соображений, и внешняя история, т. е. связь этой разработки с общими тенденциями рассмотренного периода. Этот период начинается после издания Ломоносовым “Российской Грамматики” и продолжается до введения сравнительно-исторического метода и, таким образом, охватывает (короткий) период расцвета так называемой “всеобщей философской грамматики”. В данной работе автор ограничивается общим описанием системы частей речи и подробным рассмотрением имен. Третья (историческая) часть включает также обзор оценок указанного периода русской лингвистической литературой.

К сожалению, главы работы размещены не иерархически (см. Оглавление), так что разделы, относящиеся к разным частям и уровням, кажутся несопоставимыми. Самым ярким примером может послужить переход от главы “Местоимение” к разделу “Период всеобщей философической грамматики...”, где отсутствует логическая последовательность.

2. В зависимости от их значения, автор обсуждает более двадцати грамматик, авторами которых являются, напр., Востоков, Давыдов, Греч, Аксаков и Павский; среди рассмотренных работ имеется и русский перевод грамматики ‘Пор-Рояль’, существование которого известно даже не всем русским лингвистам-историкам. В первой главе автор описывает целый ряд классификаций частей речи, причем особое внимание уделяется отклонениям от классической системы, охватывающей, как известно, имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз и междометие. Используемое автором графическое расположение частей речи наглядно и в то же время обнаруживает иерархическую упорядоченность рассматриваемого материала. В кратком комментарии даются примечания и приводятся цитаты, относящиеся к определению и объему отдельных классов слов. По сравнению с этим дескриптивным подходом критика, проводимая самим автором, отходит на задний план. Автор, напр., не поднимает вопроса о том, удовлетворяют ли эти классификационные группы известным требованиям, предъявляемым к любой классификации (напр., требованию непротиворечивости). В следующих главах автор детально показывает подразделение имен в различных грамматиках; описываются имеющиеся в них части речи и их определения (насчет этого понятия см. ниже). Таким образом обнаруживается, например, неустойчивость такой части речи, как имя числительное. Автор, к сожалению, не говорит о своем собственном понимании основных понятий анализа, в частности “частей речи”, “категорий”, “определений”. Поэтому читатель может считать уверенность автора в том, что уменьшительные и увеличительные формы относятся к формообразованию (а не к словообразованию), чистой тавтологией, если это обосновывается следующим образом: “1. они (эти формы – С.К.) выражается в пределах одного и того же слова... 2. они не являются самостоятельными словами, а считаются формами определенного существительного”. (65)

Нередко говорится о “категориях” существительного (ср. 26), но под ними в книге подразумеваются имя нарицательное, имя собственное и имя соби-

рательное, т. е., в сущности, классы слов. Не очень удачным нам представляется и то, что автор, согласно исследуемым грамматикам, говорит об “определении” той или иной части речи, не спрашивая о том, имеет ли такое “определение” как, напр., “существительное обозначает предметы”, смысл для целей дескриптивных грамматик. (Здесь, по-нашему, вообще не уместно говорить об “определениях”). Читатели, впрочем, приветствовали бы краткие итоги разработанных автором основных черт развития грамматической мысли, так как в изобилии изложенного материала местами “может потеряться красная нить”.

3. В исторической части книги автор ограничивается не только констатированием, что в течение нескольких лет (1804–1818) в русских гимназиях всеобщая философская грамматика была введена в качестве учебного предмета, но дает также ответ на вопрос, почему это происходило в период, когда в Западной Европе эпоха расцвета философской грамматики уже подходила к концу. Причину этого автор видит не столько в лингвистических преимуществах этой грамматики, сколько в ее целеустановке на практику, которая в эпоху Просвещения в России должна была облегчить смену унаследованных дидактических методов новыми. Для того, чтобы сделать свои аргументы более убедительными, автор описывает существовавшие в то время учебные пособия русского языка для иностранцев, которые были известны русским лингвистам; это знакомство, однако, не повлекло за собой развития соответствующего нового направления в русском языкознании. В заключении книги дается обзор (отчасти изменившихся) оценок данного периода русскими лингвистами на примере пяти избранных авторов.

4. В общем можно сказать, что данная работа проливает свет на относительно мало известный период развития русской грамматической мысли. Для каждого, кто занимается историей русского языкознания, она является полезным источником, несмотря на то, что рассматриваемый период сам по себе является менее важным чем более поздние периоды. Если бы автор подвел еще итоги основных черт рассмотренного им этапа, то этим его книга бы только выиграла. Кроме того, в связи с дескриптивным подходом целесообразно было бы точнее разъяснить и употребляемые автором дескриптивные понятия.

Universität Konstanz

SEBASTIAN KEMPGEN